

Слова распорядителя Вана наконец позволили юному Хэ Гу отпустить тревогу, что тяжким грузом лежала на его сердце все эти дни.

В ту ночь он спал на редкость крепко и сладко. Ему приснился самый прекрасный сон со времен перерождения — сон, от которого он едва не проснулся, смеясь.

Во сне он уже был женат на Старшей принцессе. В Бяньцзине стоял март, моросил ласковый мелкий дождь. Принцесса по-прежнему была облачена в ярко-красное одеяние, но волосы её были уложены в причёску замужней женщины, а под платьем округлялся большой живот.

Судя по всему, она была тяжела — и, вне всяких сомнений, ребенком от него.

Во сне юный хоу держал над женой бумажный зонт, пропитанный маслом. Они стояли у подножия горы Чанлу в окрестностях столицы, перед храмом Матушки, Дарующей Детей — самым почитаемым местом, где никогда не гасли благовония.

Прохожие в суете дождя невольно замедляли шаг и оборачивались, любуясь этой парой, прекрасной, словно сошедшей с картины.

Хэ Гу нежно шептал: «На самом деле, нам вовсе не обязательно было приходить сюда. Мальчик это будет или девочка — я клянусь любить наше дитя всю жизнь». Помолчав, он добавил с легким смущением: «Хотя в моем сердце... ты всегда будешь на первом месте».

Принцесса застенчиво отвечала: «Пусть так, но я всё же надеюсь, что наш первенец будет мальчиком. Тогда он сможет унаследовать твой титул. И если позже у нас родится дочь, у неё будет старший брат, который станет оберегать её. Разве это не чудесно?»

Договорив, она подняла на него взор и лучезарно улыбнулась.

Во сне принцесса всё еще носила тонкую белую вуаль. Хэ Гу не задумывался, почему она не сняла её после свадьбы; всё его внимание было приковано к её глазам — глазам-фениксам, которые при улыбке слегка сужались.

При первой встрече принцесса казалась недостижимой: в охотничьем костюме на коне, с холодным взором, пронзительным и колючим, как осенний иней. Но в этом сне её глаза были подобны весенним водам — сияющие, глубокие, они словно говорили сами, без слов, заставляя Хэ Гу замереть в восхищении.

Он потянулся, чтобы взять её за руку... но схватил лишь пустоту.

Сон рассыпался. Хэ Гу вздрогнул, плечи его дернулись, и он резко открыл глаза. Тёмный полог кровати медленно проступил в его еще мутном взоре.

Юный хоу немного помедлил, приходя в себя. Он повернул голову: сквозь резные оконные рамы пробивался молочно-белый лунный свет. Ночь была тихой и безмятежной.

На сердце у Хэ Гу стало немного тоскливо.

«Всего лишь сон?»

К счастью, вчерашние слова евнуха Вана подействовали как успокоительное. Не слишком сокрушаясь, он вновь забылся глубоким сном.

Проведя полжизни в прошлой реальности, Хэ Гу вечно хлопотал ради трона наследного принца

и до седых волос оставался холостым. О делах свадебных он начал узнавать лишь после перерождения, когда занялся приданым сестры, но и эти знания были скудны. Что же касается императорского церемониала и того, как выдают замуж принцесс, он и вовсе не имел ни малейшего представления.

Поэтому, когда император прислал Хэ семье такие баснословные дары, Хэ Гу не придавал этому особого значения. Он самовлюбленно и вполне искренне решил, что всё дело в его недюжинных талантах, статной внешности и заслугах в Чэнхэ. Мол, приглянулся Государю, вот тот и расщедрился.

В конце концов, в устном указе так и говорилось: «За заслуги в подавлении мятежа». Стало быть, дары — сами по себе, а отбор фума — сам по себе. Просто совпало, что императору он пришелся по душе.

Но на следующий день, когда к нему примчался двоюродный брат из семьи Янь, Янь Динье, Хэ Гу понял, насколько он был дремуч и несведущ.

Поместье Чаньян располагалось на Западной улице Бяньцзина. Как гласит поговорка: «Юг богат, Запад знатен». В этой части города жила добрая половина титулованной знати и высшего чиновничества империи. Вчерашний визит Ван Чжунлу с такой помпой заставил всю улицу обратить взоры на дом Хэ.

Янь Динье посмотрел на брата с сочувствием:

— Братец, теперь весь город знает, что ты — будущий фума. Дело решенное!

Младший господин Янь сочувствовал брату не потому, что тому теперь закрыт путь к высоким чинам. Нет, Янь Динье был оригинален: он оплакивал ту безрадостную, как ему казалось, семейную жизнь, что ждала Хэ Гу. Слухи о том, что Старшая принцесса терпеть не может мужчин, долетали даже до его ушей. Он полагал, что если Хэ Гу женится на ней, то даже если милостивый Государь позволит завести наложницу ради продолжения рода, жизнь его всё равно будет жалкой.

О походах в веселые кварталы или попойках с друзьями можно было забыть навсегда. Стоило кому-то заметить его там и донести императору — и всей семье Хэ несдобровать.

Хотя, справедливости ради, его брат Хэ Гу и раньше не был ходяком по таким заведениям.

Словом, Янь Динье считал: взять в жены Старшую принцессу — это всё равно что принести в дом живое божество. Никакой свободы, никакой радости, да еще и до конца дней жить как монаху. К чему все эти богатства и почести при такой доле?

Беда, сущая беда! И надо же было такому несчастью свалиться на голову его брата — кумира всех столичных девиц. Такое добро пропадает!

Янь Динье рассказал, что старики из семьи Янь как раз подумывали подыскать Хэ Гу невесту попроще и поскорее обручить их. Мол, если его выберут в фума, можно будет сказать императору, что он давно обещан другой — «помолвка с пеленок», о которой сам юноша не знал. Хоть сватовство со стороны деда и не совсем по правилам, но старый генерал Янь — ветеран двух правлений, имеющий заслуги перед покойным императором. Нынешний монарх милостив, глядишь, и не стал бы карать.

Но пока старики присматривались к невестам, проворный евнух Ван уже доставил в дом Хэ

нескончаемую вереницу даров. В ту ночь новость о том, что император выбрал Хэ Гу, разлетелась по Бяньцзину со скоростью ветра. В ту ночь несчетное количество девичьих сердец разбилось вдребезги — так, что уже не собрать.

Только тогда до Хэ Гу дошло: вчерашние дары были негласным объявлением всей знати Бяньцзина:

«Хэ Гу — выбор императора. Соискатели невест и женихов, держитесь подальше, не смейте заглядываться на зятя Государя, если жизнь дорога».

Семье Янь пришлось отступить.

Что до самой свадьбы, то всё было готово, не хватало лишь одного — резиденции. Брак дочери императора — событие иного порядка, чем обычная свадьба. Простая девушка уходит в дом мужа, принцесса же, покидая дворец, переезжает в собственный дворец — резиденцию принцессы. А поскольку Старшая принцесса была единственной дочерью императорской четы, Ведомство внутренних дел, занимавшееся подготовкой, трудилось с удвоенным рвением, боясь допустить малейшую оплошность.

Вскоре на Западной улице Бяньцзина начались масштабные работы. Каменщики и плотники заполнили пустовавшее поместье, которое, по слухам, когда-то принадлежало одному из князей прошлой династии. Это поместье занимало лучшее место на улице и было самым обширным в западной части города. Раньше люди гадали: не готовят ли этот дом для третьего принца на случай его возвращения?

Но вестей о возвращении Его Высочества не было, как не было и других принцев, готовых покинуть дворец. Сопоставив факты, все поняли: это будущий дворец Старшей принцессы.

Император действительно души не чаял в дочери: такой огромный дом подошел бы и удельному князю, а то, что он находился на той же улице, что и поместье Чанъян, подчеркивало особую заботу монарха.

Глядя на горы подарков, которые двор потоками вливал в дом Хэ, сторонние наблюдатели понимали: это лишь «сладкая заправка» перед свадьбой. Страшно было представить, какой же величественной и ослепительной будет сама церемония.

Даже те чиновники, что кичились своей «чистотой» и презирали фаворитов, видя, как в дом Хэ текут богатства, не могли удержаться от ядовитых замечаний:

— Подумаешь, честолюбец без амбиций, польстился на роскошь и милость двора. Даже став фума, всю жизнь будет заглядывать принцессе в рот и жить на всём готовом. Разве сравнится это с тем, чтобы самому добыть славу умом или мечом? Вот это удел достойного мужа!

Впрочем, в глубине души они просто сгорали от зависти.

Мир прозаичен: пока одни пускали желчь, другие наперебой спешили породниться или хотя бы завести знакомство с будущим зятем императора. Поместье Хэ, прежде считавшееся крепким, но не выдающимся домом, внезапно стало местом паломничества.

Старый хоу Хэ Наньфэн думал было, что после случая с Вань Шуэр прогрустит несколько дней. Но не тут-то было. Коллеги, которых он видел раз в жизни, соседи, с которыми не перекинулся и парой фраз, дальние родственники из-за тридевяти земель — все они хлынули в его дом как саранча. Хэ Наньфэн так выматывался, принимая бесконечные делегации, что его мечты о

мирной и ленивой старости по возвращении в столицу растаяли как дым.

На грусть по мачехе Вань у него просто не оставалось сил.

Этот конец апреля выдался для обитателей Западной улицы беспокойным. В одном конце улицы кипела стройка дворца принцессы, в другом — в поместье Чанъян не зарастала народная тропа. Было шумно и суетно. Соседи пребывали в смятении.

Наконец, в один из вечеров, проводив последнего гостя, старый хоу изнемог окончательно. Держась за ноющую поясницу, он со всей силы захлопнул ворота и, сверкая глазами, проревел:

— Закрывать ворота! С этого дня — никого не принимать! Слышите? Ни одной живой души!

В это же самое время юный Хэ Гу был призван во дворец. Император, чей настрой раньше казался неясным, внезапно сменил гнев на милость. После долгой и теплой беседы он вручил Хэ Гу поясной жетон, дающий право входить во дворец и посещать занятия в Академии для принцев и членов императорской крови.

Хэ Гу был в полном замешательстве. Он искренне не понимал: зачем ему, будущему фума, которому суждено лишь наслаждаться жизнью за счет казны, грызть гранит науки вместе с принцами?

Он и не подозревал, что это была не просто причуда императора, которому нечем заняться. Государь просто не выдержал настойчивых просьб императрицы.

А причина, по которой императрица Чэнь так усердствовала в этом деле, была до смешного проста.

Когда в тот день императрица пришла в себя, она решила, что просто перегрелась на солнце, и не придавала обмороку значения. Однако стоило ей очнуться, как Старшая принцесса объявила: она всё обдумала и согласна на брак. Императрица была несказанно рада — наконец-то дочь образумилась!

Впрочем, в день отбора она и сама видела, какой статный, видный и одаренный юноша этот молодой хоу Хэ. В такого влюбиться — дело самое естественное. Императрица Чэнь пребывала в благостном расположении духа, полагая, что прежние отказы дочери были вызваны вовсе не неприязнью к мужчинам, а лишь тем, что ей еще не встречался достойный человек. Видно, сама судьба свела принцессу и наследника Хэ, и теперь свадьба была не за горами.

Императрица, никогда прежде не имевшая склонности к хозяйственным делам, теперь целыми днями пропадала в Ведомствах внутренних дел, лично контролируя каждую мелочь в подготовке к торжеству. Главные евнухи ведомств от её пристального внимания пребывали в постоянном смятении: они дрожали от страха и ходили как по тонкому льду, боясь хоть в чем-то не угодить Ее Величеству.

А императрица подходила к делу с пугающей серьезностью: от выбора места под дворец и плана его перестройки до узоров на подвенечном платье — будь то вышивка сучжоуская или шуская, и какие именно мастерицы будут её выполнять... Ни одна иголка, ни одна нитка не ускользали от её взора.

Когда император награждал семью Хэ, императрица Чэнь то и дело добавляла подарки уже из своих личных средств, пока наконец даже принцесса не выдержала и не пришла в дворец Чжиян уgomонить мать.

— Матушка, император и так уже осыпал дом Хэ милостями. Если мы добавим еще, это станет чрезмерным. Боюсь, отцу придется выслушивать наставления цензоров о том, что он слишком потакает родственникам по женской линии.

Императрица нахмурилась:

— Опять эти несносные цензоры! Раньше они день и ночь ворчали, твердя, что мой Хэн-эр приносит несчастье и мешает Юань-эру. Но ведь они в детстве постоянно играли вместе, и братья души друг в друге не чаяли! С чего бы Хэн-эру мешать Юань-эру? Только бы этим старым чудовищам языками чесать! В итоге император ничего не смог поделаться, и бедного Хэн-эра в семь-восемь лет прогнали одного в Цзиньлин. Больше всего на свете я ненавижу этих бездельников из Управления цензоров, которые только и знают, что спорить со всеми подряд.

Принцесса промолчала, а затем мягко заметила:

— У третьего брата слабое здоровье. Останься он в Бяньцзине, он бы не вынес зимних холодов. Не стоит винить только цензоров и Ведомство астрономии.

Императрица недовольно хмыкнула:

— Я-то понимаю... Не будь этой хвори, да пусть хоть сам Нефритовый император явился бы вместе с этими цензорами — никто не посмел бы прогнать моего ребенка. — Она тяжело вздохнула, и лицо её омрачилось. — Интересно, как там Хэн-эр все эти годы один в Цзиньлине? Не одиноко ли ему без матери и сестры?..

— Разве третий брат не присылает каждый год ворох писем? — ответила принцесса после паузы. — Вы ведь их все читали.

— Письма — это письма, а человек — это человек, — вздохнула императрица. — Разве заменят бумаги смех родного ребенка рядом? Стоит вспомнить о твоём брате, как сердце кровью обливается. Здоровье его никак не идет на поправку... А впрочем, даже если бы он выздоровел, боюсь, твой отец всё равно не позволил бы ему вернуться из Цзиньлина.

Она замолчала, погружившись в думы, а затем внезапно велела слугам удалиться. Лишь когда они остались одни, она продолжила:

— Юй-эр, запомни: если когда-нибудь твой брат поправится и сможет вернуться в столицу, и если у него возникнет мысль соперничать с Юань-эром — ты должна убедить его не входить в эту мутную воду.

— Вы не раз наказывали мне это, матушка, — ответила принцесса. — Я помню.

Императрица вздохнула:

— Твой отец вечно твердит, что виноват передо мной. Знаешь, почему? Когда покойный император был еще жив, твой отец был лишь нелюбимым принцем, а я — младшей дочерью в семье Чэнь от наложницы. Однажды на Празднике фонарей я улизнула из дома с горничной. Купила фонарик в виде карпа, но не успела его запустить — он упал и развалился. Я сидела на берегу и плакала. Тут подошел твой отец. Ни слова не говоря, он поднял фонарик, что-то там подправил, починил и протянул мне. А я застеснялась и не взяла...

Взгляд императрицы стал туманным, она явно унеслась в воспоминания многолетней давности.

— На самом деле я хотела взять, просто оробела. Он увидел, что я не беру, отступил на два шага, поставил фонарик на землю, поклонился мне и ушел. Я тогда подумала: если в книгах и пишут о благородных мужах, совершенных, как ограненный нефрит, то это точно о нем. Вскоре после возвращения домой отец сказал мне, что четвертый принц испросил у императора дозволения взять меня в жены. И император согласился. Когда он пришел с визитом к моему отцу, я подсмотрела из-за ширмы и поняла, что это тот самый юноша, который чинил мне фонарик.

— Я с радостью ждала свадьбы, но вдруг наследный принц занемог и преставился. Четвертого принца назначили новым наследником. Мой отец ходил во дворец, а когда вернулся, оказалось, что наш уговор изменился: теперь мы с моей старшей сестрой должны были выйти за него вместе.

Императрица горько вздохнула:

— Думаешь, я злюсь на него? Раньше злилась, чего уж греха таить. Но потом поняла: чтобы усидеть на этом месте, ему нужна была поддержка рода Чэнь. Но я была дочерью от наложницы, моего статуса не хватало, чтобы стать императрицей-основательницей. Поэтому ему пришлось взять в жены еще и мою сестру. Сестре тоже пришлось выйти за него. Оба они были несчастны, и я была несчастна, но выбора у нас не было.

Принцесса сжала руку матери:

— Матушка...

Императрица Чэнь покачала головой:

— Не надо утешать. Я хотя бы вышла за того, кого любила. А твоя тетя положила на это всю жизнь. Даже когда Юань-эр стал наследником, она не обрела покоя. Теперь Юань-эр вырос, стал скрытным, и я всё меньше понимаю, что у него на уме. Он всё больше напоминает мне твоего отца в те годы. Стоит стать наследником — и человек меняется. Но я по-прежнему больше всего люблю того юношу, что поднял мой фонарик у реки, а не императора, которым стал твой отец.

— Думаешь, быть наследником или императором — это счастье? Я смотрю на твоего отца и не вижу в нем большой радости. Он так любил Хэн-эра, но был вынужден слушать цензоров и послушно отправить его в Цзиньлин. А сестра, когда её сын стал наследником, сама стала другой: всё время что-то высчитывает, замышляет ради трона Юань-эра. Хоть я и не знаю, какую ошибку она совершила, что так разгневала твоего отца в конце концов...

Она осеклась и вздохнула:

— Ладно, не будем об этом. Просто помни: Хэн-эр — твой родной брат. Его не было рядом со мной, и я боюсь, что если однажды меня не станет, он совершит ошибку. Ты, как старшая сестра, должна его образумить. Пусть лучше будет праздным князем, в этом нет ничего плохого. Я ни о чем больше не мечтаю, только бы вы оба жили в здравии и благополучии, в окружении детей и внуков.

Принцесса немного помолчала.

— Я... я запомню это, матушка.

Императрица тут же вспомнила про цензоров и снова надулась:

— Теперь я выдаю дочь замуж, трачу свои личные деньги на зятя, не беря ни медяка из казны, а эти люди всё равно недовольны. Велика У Дэхуаю разузнать, кто там больше всех придирается. Я приглашу их жен во дворец и спрошу лично: неужели их дети никогда не будут жениться или выходить замуж?

Принцесса беспомощно улыбнулась:

— Императорская семья — не чета обычным людям. За каждым шагом отца следят сотни глаз. Малейшая ошибка — и стол в зале Ланьчжэн завалят доносами. Моя свадьба — дело семейное, не стоит волновать отца еще и по этому поводу.

Перед кроткими уговорами дочери императрица Чэнь, будучи женщиной отходчивой, устоять не смогла.

— Хорошо, хорошо, твоя правда. Вот поэтому я и говорю: быть императором — сомнительное удовольствие. Ладно, это будет в последний раз. После этого подарка и до самой вашей с Гу-эром свадьбы я больше ничего в дом Хэ посылать не буду. Идет?

Внезапно принцесса заметила в руках матери золотую шпильку с огромной восточной жемчужиной. Уголок её губ под вуалью невольно дрогнул.

— ...Эту вещь вряд ли стоит дарить наследнику Хэ. Он мужчина, ему она ни к чему.

— Даже если Гу-эру она ни к чему, у него же есть младшая сестренка, — возразила императрица. — Девочка вырастет, ей захочется наряжаться. Разве не чудесно, если брат подарит ей такую красоту?

Принцесса не нашлась что ответить. Взгляд императрицы вдруг замер на дочери, и она нахмурилась:

— Юй-эр, почему ты всё время называешь его «наследник Хэ»?

— ...Указ о помолвке еще не оглашен официально.

Императрица не унималась:

— Значит ли это, что он тебе всё еще не нравится?

После долгой паузы принцесса медленно ответила:

— ...Вовсе нет. Наследник Хэ мне тоже по душе.

Императрица облегченно вздохнула. Она больше всего боялась, что сосватала их против воли, ведь если испортишь ребенку жизнь, будешь жалеть до гроба. Но если Юй-эр он нравится, почему она ведет себя так странно? Впрочем, она тут же сама себя успокоила: они ведь виделись всего пару раз. Даже при взаимной симпатии некоторая отстраненность неизбежна. Юй-эр — девушка, ей положено смущаться.

Это дело было легко поправимым. Стоило лишь почаще звать наследника Хэ во дворец, чтобы дети виделись чаще, вместе учились, а там она устроит пару прогулок в саду или поэтических чтений — возможности найдутся. Когда они привыкнут друг к другу, Ведомство астрономии выберет счастливый день, сыграют сладкую свадьбу, а там и до пухлых внуков недалеко.

От этих мыслей императрица пришла в восторг и твердо решила: так тому и быть! Дочь может

скромничать, но на то у неё и есть мать-императрица.

Император не выдержал уговоров жены. К счастью, в императорской академии наследный принц занимался отдельно от других принцев и членов клана, так что присутствие Хэ Гу не должно было мешать учебе Юань-эра.

Так молодой хоу Хэ, сам того не зная, стал объектом всеобщей зависти в академии. Все прекрасно понимали: остальные приходят сюда грызть гранит науки, а этот везунчик — на свидания. К тому же, в отличие от отпрысков рода Пэй, Хэ Гу получил жетон с припиской «дозволено посещать занятия в свободное время». «Свободное время»... это уж Хэ Гу решит сам. Хочет — придет, не хочет — останется дома. Когда захочет, тогда и явится.

Разве бывает в мире что-то более прекрасное? Юноши из императорского клана, которых каждое утро ни свет ни заря вытаскивали на занятия, были готовы рыдать от зависти.

Сам же Хэ Гу совершенно забыл, что принцесса посещает занятия наравне с принцами. Он и не догадывался, что в академии встретит её. Получив жетон, он тянул три-четыре дня, пока не решил, что игнорировать императорскую милость — это уже верх неблагодарности.

И вот, скрепя сердце, он отправился учиться. Хэ Гу твердо решил: будет приходить раз в семь дней для вида, и не чаще. К чему ему эти книги, он же не собирается сдавать государственные экзамены.

Однако, хоть император и позволил ему приходить когда вздумается, приличия требовали уважения к учителям, а значит — опаздывать нельзя. К тому же наставники в императорской академии были сплошь знаменитыми на всю Поднебесную учеными, и Хэ Гу искренне уважал их.

Он встал на рассвете, умылся, выбрал одежду попроще и сел в экипаж. На улицах Бяньцзина еще царил полумрак, город был пуст, и только стук колес гулко раздавался в тишине.

Хэ Гу зевнул:

— Чжэнъе, скажи мне, зачем в этой академии занятия начинаются в такую рань? Наставники-то все в летах. Нам, молодым, еще ладно, а каково старикам так мучиться?

Чжэнъе почесал в затылке:

— В книгах пишут: «Когда Небо возлагает на человека великую миссию...»

Хэ Гу хотел было вместе с ним возмутиться античеловеческим расписанием, но, услышав, как слуга заводит привычную волюнку, тут же махнул рукой, заставляя его замолчать. Чжэнъе послушно прикусил язык.

В прошлый раз, когда молодой господин посещал дворец, слуга ждал у ворот. Сегодня же ему впервые в жизни выпала честь войти в святая святых. Зная, что Хэ Гу идет учиться, Чжэнъе последние дни тайно штудировал книги, боясь, что на фоне других слуг он покажется неучем и опозорит господина.

Но, похоже, молодому господину его ученость была не по душе... Чжэнъе задумался. Видно, роль молчаливого слуги подходит ему куда больше.

В этот раз у ворот его не встречал распорядитель Ван, и, разумеется, не было паланкина,

любезно пожалованного Государем. Путь от ворот Тайхэ до Академии предстояло проделать пешком, а расстояние это было неблизким — обычному человеку требовалось не меньше получаса.

К счастью, Хэ Гу предвидел это и вышел заранее. И он, и Чжэнъе с детства обучались боевым искусствам, поэтому шаг у них был скорым. Они добрались до места даже на четверть часа раньше положенного.

Двери Академии были еще заперты. Перед входом уже толпилось несколько подростков, которые с восторженным щебетом окружили юношу в богатых одеждах. Тот, находясь в центре внимания, сосредоточенно сидел на корточках у цветочной клумбы, не сводя глаз с чего-то в траве. Внезапно его взгляд заledenел, и он молниеносным, точным движением запустил руку в заросли.

Хэ Гу еще издали увидел, что тот поймал крупного ярко-зеленого кузнечика. Юноша выпрямился, кинул добычу окружившим его ребятам и, обернувшись, наткнулся на взгляд Хэ Гу.

Щеголь в богатом халате вскинул бровь:

— О, незнакомое лицо? — Он помедлил, что-то прикидывая, и уверенно добавил: — Ты, должно быть, тот самый сын Чанъян-хоу?

На душе у Хэ Гу стало муторно. Кто бы мог подумать, что этот заносчивый и высокомерный второй принц, Пэй Чжаолин, который в прошлой жизни потерпел крах, был окружен войсками Хэ Гу и в итоге покончил с собой на берегу реки Линцзян, сейчас — всего лишь мальчишка, который, выпятив зад, ловит кузнечиков у входа в школу?

Этот розовощекий, самодовольный подросток перед ним имел слишком мало общего с тем расчетливым и мстительным врагом, которого Хэ Гу помнил по прошлой жизни.

Хэ Гу лишь промолчал.

Пэй Чжаолин хмыкнул:

— Ты что, не знаешь, кто я? Увидел меня и не смеешь поклониться? Ты...

Хэ Гу знал о его мелочности и не хотел давать повода для истерики, поэтому быстро произнес:

— Приветствую Второго принца.

Пэй Чжаолин шумно выдохнул через нос:

— Раз знаешь, что я принц, почему не падаешь на колени? Ты что, презираешь меня?

Хэ Гу:

— ...

«Ну точно, Пэй Чжаолин». Это вечное «Ты меня презираешь?» и мания преследования остались неизменными в обеих его жизнях.

Он только собрался ответить, как сзади раздался до боли знакомый голос, от которого сердце Хэ Гу пропустило удар.

— Он — официально признанный наследник титула Чанъян-хоу. Ты, второй брат, еще не получил титула вана. При встрече с тобой Хэ Гу может ограничиться обычным поклоном и не обязан падать ниц. В его действиях нет ошибки.

Хэ Гу обернулся. Говорившей, конечно же, была Старшая принцесса. Сегодня на ней не было красного — видимо, она сочла этот цвет слишком броским для места учебы — лишь простое белое платье из тонкого шелка.

Несмотря на простоту наряда, её красота ничуть не померкла. В белом она выглядела иначе: без огненного красного её отстраненность и ледяное величие проявились еще ярче. Юному хоу показалось, что теперь она больше походит на небожительницу.

И, кажется, это был первый раз, когда она назвала его по имени... Она сказала «Хэ Гу», а не «наследник Хэ» или «молодой хоу».

Хэ Гу почувствовал укол радости. «Должно быть, она знает, что император вот-вот объявит о помолвке? Она согласна? Наверное, да. Иначе зачем ей заступаться за меня и спорить с родным братом? Это же явная защита!»

В груди у юного хоу словно затрепетала пойманная птица. Ему стало жарко, и он на мгновение побоялся поднять глаза на принцессу. Мысли лихорадочно заскакали: стоит ли сказать «доброе утро»? Или спросить, завтракала ли она? А может, глупо выдать: «О, вы тоже пришли учиться?»

Всё казалось каким-то нелепым... Как заговорить естественно? Каким тоном?

Хэ Гу мучительно размышлял. Он не понимал, что с ним происходит: каждый раз при виде принцессы пульс частил, дыхание перехватывало, а мозг будто застилало туманом, замедляя все мыслительные процессы.

Не успел он ничего решить, как Пэй Чжаолинь ехидно процедил:

— Еще замуж не вышла, а уже тянешь руку в сторону чужака.

Принцесса одарила его холодным взглядом и не удостоила ответом.

В этот момент к дверям Академии нетвердой походкой подошел старый наставник лет семидесяти с белоснежной бородой. Двое маленьких евнухов у входа тут же засуетились: один бросился поддерживать старца под локоть, другой торопливо отпер замок.

Когда наставника завели внутрь, принцесса, не оборачиваясь, последовала за ним вместе со своей служанкой, несущей шкатулку с книгами.

Юный хоу тоскливо смотрел ей в след. Радость мгновенно сменилась легкой обидой.

«Она ушла, даже не взглянув на меня...»

Он почувствовал себя уязвленным. Он ведь еще не успел придумать, с каким выражением лица и каким голосом сказать ей первое слово. Разве она не должна была позвать его? Сказать что-то вроде: «Двери открыли, идем» или «Пора на урок»?

«Она так холодна... Видимо, и правда ненавидит мужчин».

Хэ Гу оставалось лишь утешать себя тем, что дело не в нем лично, а в её общем отношении.

«Ладно... Ненавидит — и пусть. Я ведь знал об этом заранее».

Пусть реальность нанесла жестокий удар по его мечтам о сладкой семейной жизни, где они через три года нянчат двоих детей, — он не собирался сдаваться. В конце концов, он уже почти официальный фума, её будущий муж. Он обязательно найдет способ постепенно растопить этот лед.

Как говорится: «Легко найти бесценное сокровище, трудно найти верного возлюбленного». Хэ Гу свято верил, что такого красавца и преданного рыцаря, как он, днем с огнем не сыщешь. Рано или поздно принцесса не устоит. В этом вопросе у него, прожившего две жизни, уверенности было хоть отбавляй.

Глубоко вдохнув, он привел чувства в порядок и, расправив плечи, бодрым шагом вошел в ворота Академии.

Пэй Чжаолинь проводил его взглядом. Почему-то ему показалось, что этот выскочка из поместья Чанъян, проходя мимо, выпятил грудь точь-в-точь как павлин, собравшийся распушить хвост.

— Какая нелепость, — буркнул принц.

<http://bllate.org/book/15879/1617452>